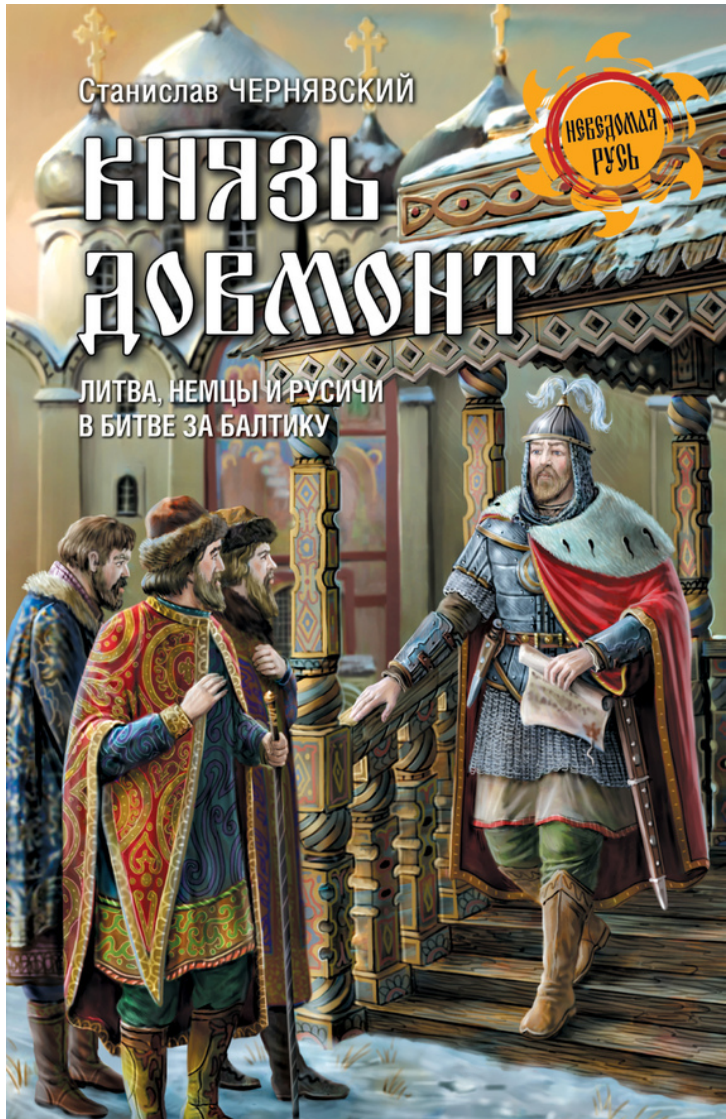

Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

КНЯЗЬ ДОВМОНТ

ЛИТВА, НЕМЦЫ И РУСИЧИ
В БИТВЕ ЗА БАЛТИКУ

НЕЗНАЮЩАЯ
РУСЬ

Станислав Николаевич Чернявский

Князь Довмонт. Литва, немцы и русичи в борьбе за Балтику

Серия «Неведомая Русь»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23291401

*Князь Довмонт. Литва, немцы и русичи в борьбе за Балтику: Вече;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-4444-8652-8

Аннотация

Все мы со школьной скамьи помним славные победы Александра Невского на Неве и Чудском озере. Но мало кто знает, что был еще один князь, который защищал рубежи Руси в момент, когда держава стояла на распутье и могла погибнуть. Этот князь – литвин, но входит он в сонм православных святых. Его языческое имя – Довмонт. Приехав на Русь, он принял крещение и стал Тимофеем. В XIV столетии кто-то из русских написал его биографию, вошедшую в летопись, и там князь фигурирует под своим литовским именем – Довмонт. Средневековая биография, как ей и положено, прославляет героического правителя. Реальность гораздо более страшна и жестока. Прежде чем приехать на Русь, Довмонт поучаствовал в убийстве своего господина Миндовга – великого борца

с крестоносным нашествием на Литву. Но это была месть, а не беспричинное убийство. Миндовг отобрал у Довмонта жену. Отомстив, последний бежал, обрел новую родину и больше не вкладывал меч в ножны, сражаясь за интересы Руси.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Литва	12
Глава 1. Предки Довмонта	12
1. Древние балты	12
2. Русичи и литовцы	17
3. Полоцкая династия	21
4. Балты преображаются	31
5. Взлет литвы	35
6. Феодалный мир	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Станислав Чернявский Князь Довмонт. Литва, немцы и русичи в борьбе за Балтику

© Чернявский С. Н., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

В 1264 году в Литве творились непонятные и кровавые события. Такими они, во всяком случае, казались соседям. Погиб князь этой страны Миндовг. Двое его убийц схватились друг с другом за власть. Один уничтожил другого, но сам пал жертвой палача, когда в страну пожаловал сын Миндовга – Войшелк – и принялся мстить за отца остальным участникам заговора, а таких было много. Купцы и лазутчики доносили о кровавых экзекуциях и смертельной борьбе, детали которой ускользали от понимания непосвященных.

В разгар этих событий под каменные стены Псковской крепости прибыл небольшой литовский род из Нальшанской земли. Земля эта располагалась к югу от Полоцка и неподалеку от Менска, а населяли ее балты. Среди беглецов были воины, женщины и дети. Измученные, слабые, на взмыленных лошадях, они просили убежища. Псковичи не торопились с решением. Несчастные литовцы ждали своей участи и испуганно озирались, словно боясь, что вот-вот их настигнет погоня. Но вдруг тяжелые городские ворота со скрежетом отворились. Беглецам позволили войти внутрь. Они были спасены.

Маленький отряд возглавлял нальшанский князь-старейшина по имени Довмонт, могучий и статный витязь средних лет. Он поблагодарил псковскую общину за предоставленное

убежище и поклялся отстаивать интересы своих благодетелей с оружием в руках. Ни разу в жизни литовец не преступил этой клятвы. Уже через год его самого выберут на вече псковским князем, то есть начальником войск общины и главой исполнительной власти. Чтобы сделать карьеру, Довмонт примет православие. А через триста лет после смерти его объявят святым.

* * *

Все мы со школьной скамьи помним славные победы русского оружия на Неве и Чудском озере. Тогда русскими дружинами командовал князь Александр Невский, чьи заслуги в спасении Русской земли, переживавшей трудную пору, невозможно переоценить.

Но мало кто помнит, что был еще один князь, который защищал рубежи Руси в момент, когда держава стояла на распутье и могла погибнуть. Этот князь – литвин, но входит сонм православных святых. Его языческое имя – Довмонт. Приехав на Русь, он принял крещение и стал Тимофеем. В XIV столетии кто-то из русских написал его биографию, вошедшую в летопись, и там князь фигурирует под своим литовским именем – Довмонт. Средневековая биография, как ей и положено, прославляет героического правителя. Реальность гораздо более страшна и жестока.

Прежде чем приехать на Русь, Довмонт поучаствовал

в убийстве своего господина Миндовга – великого борца с крестоносным нашествием на Литву. Но это была месть, а не беспричинное убийство. Миндовг отобрал у Довмонта жену. Отомстив, последний бежал, обрел новую родину и больше не вкладывал меч в ножны, сражаясь за интересы Руси. Этот меч – тяжелый, прямой – можно до сих пор видеть в музее Пскова.

...Александр Невский одержал две яркие победы, отбросив рыцарей Запада от границ Новгородчины. Но как знать, может быть, без Довмонта русичей всё равно не удалось бы спасти. Святой князь Тимофей выполнял тяжелую работу, обороняя границы каждый день, и год за годом бил немцев. Перед нами то небольшие стычки, то грандиозные осады и сражения. От их исхода зависело многое, если не всё. Это была затяжная война, где стороны проверяли друг друга на прочность. Русские оказались прочнее. Конечно, без храбрых воинов, одаренных выносливостью, силой и богатым воображением, Довмонт не смог бы удержать русские рубежи. Но русские воины не смогли бы обойтись без Довмонта. Обществу нужен вождь, организатор, и чем талантливее вождь, тем больших успехов может добиться общество.

Но здесь не всё просто. На Руси в то время сложилось несколько центров власти, которые боролись между собой. Единство осознавалось на уровне суперэтноса, а в реальных делах господствовал эгоизм. Псковская община отстаивала собственные интересы, новгородская – свои. К счастью для

русских, западный мир тоже переживал эпоху раздробленности. Европейские феодалы иногда сражались друг с другом гораздо более жестоко, чем представители русских общин. А когда в Европе сложатся мощные централизованные государства, Русь тоже объединится.

Драма, изложенная на этих страницах, закончится благополучно. Русские рубежи удалось отстоять, герой книги – Довмонт – выжил после захватывающих приключений и бесконечной череды битв. Но эта радость с примесью горечи, потому что, если взглянуть на ситуацию с высоты птичьего полета, мы придем к неутешительным выводам. В ходе вековой борьбы с крестоносцами погибла вся Русская Балтия. Были утрачены Юрьев (Тарту) и Куконос (Кокенгаузен), перестала платить дань Новгороду Колывань (Таллин), а граница католического Запада подступила к реке Нарове, Изборску и Полоцку. Довмонт в этом не виноват, он пришел оборонять русское пограничье уже после череды потерь в Прибалтике, выполнил задачу с честью, но это не отменяет ни горечи потерь, ни скорби по погибшим в жестокой борьбе русским воинам и князьям.

Утраченные русскими земли впоследствии вернули Петр Великий и Екатерина II после долгой борьбы за Прибалтику. Затем их отбили немцы в ходе Первой мировой войны, а англичане и французы по ее итогам создали антисоветский «санитарный кордон» из лимитрофных государств. Балтию вернул Иосиф Сталин в 1940-м и включил в состав

СССР. Однако это были последние всплески имперского могущества России. В 1991 году прибалтийские земли, за которые пролито много русской крови, отданы без боя. Граница вновь сместилась на рубежи, которые защищал когда-то князь Довмонт-Тимофей. Что это? Временное отступление или начало конца русского мира? Мы не узнаем. Но потомки должны помнить и наших героев, и цену, заплаченную за каждую пядь земель, из которых родилась русская держава. Биография Довмонта – яркий эпизод эпической борьбы, которую наши предки вели за обладание Балтией. Она заслуживает того, чтобы остаться в памяти наряду с великими битвами, которые позволили отстоять независимость России и создать империю, занимающую север Евразии.

Довмонт умер на исходе XIII века. Следующее столетие – это возвышение новой страны. Это взлет Москвы – когда-то окраины великой Руси, куда православные люди шли отовсюду, чтобы обрести спасение и вождей. Приходили из Галиции и Волыни, Черниговщины и выжженной войнами Киевской земли... Центр русского мира сместился на север, и обновленная Русь приступила к завоеваниям, важное место среди которых занимала Прибалтика. Но это – особый рассказ, для коего требуются другие методы и иные краски.

А мы примем судьбу Довмонта за отправную точку, будем помнить, что это – лишь условность, элемент интеллектуальной игры, и поговорим о ранней истории Балтии, ограничив путешествие во времени смертью псковского князя, которая

случилась в 1299 году.

О чем же эта книга? Она – о возвышении Литвы, о завоевании балтийских земель немцами, а самое главное, о том, как русичи пережили это тяжелое время, одно из самых трудных в истории нашей страны, и отстояли ее рубежи. Отстояли не в последнюю очередь благодаря тому, что за Русь сражались такие инородцы, как князь Довмонт. То есть русский проект в то время был столь привлекателен, что среди соседей находились добровольцы, готовые проливать за него кровь. Хочется верить, что подвиг их не был напрасен.

Часть первая. Литва

Глава 1. Предки Довмонта

1. Древние балты

Первая половина жизни героя нашей книги – Довмонта – прошла в Литве, да и позднее, уже в зрелом возрасте, он внимательно следил за событиями, совершавшимися на родине.

Долгое время история Литовского княжества и литовского этноса была плохо изучена. Большим успехом пользовалась сводная работа М. К. Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», но и она дает ответы далеко не на все вопросы. Ситуация изменилась, когда в 1958 году вышла монография В. Т. Пашуто, посвященная истории Литвы до 1340 года и содержащая обширную библиографию, которая могла стать фундаментом для дальнейших исследований. На основе труда Пашуто через 65 лет было опубликовано несколько популярных книг по истории Великого княжества Литовского и балтийских племен. А мы остановимся на прошлом литвы (как этноса) в качестве предыстории нашего героя.

К VIII веку новой эры балты, в состав которых входят пралитовские племена, занимали обширные территории на востоке Европы: Пруссию, собственно Литву, Латвию, Белоруссию до Припяти и Великороссию до верховьев Оки.

Попытки патристически настроенных литовских историков вроде М. Гимбутас объявить балтов едва ли не извечными жителями восточноевропейских равнин с эпохи неолита сегодня выглядят смешно. Правда, М. Гимбутас настаивает и на древности славян, что смотрится как научный архаизм. Эти заблуждения разделяли и многие советские историки, начиная с Б. Д. Грекова.

В нескольких предыдущих работах мы рассказали, что этносы, особенно примитивные, отличаются высокой мобильностью. Это касается не кочевников, а тех, кого традиционно принято считать «оседлыми» народами – германцев и славян, кельтов и эллинов. Кроме того, нет ни одного народа, который в исторический период – то есть за последние пять-шесть тысяч лет – жил бы на одном месте.

Поэтому попытки некоторых литовских ученых доказать исконность и посконность собственного народа антинаучны и могут вызвать лишь сожаление. Они сродни рассуждениям известного британского исследователя А. Тойнби, который в работе «Постижение истории» пришел к абсолютно

верной мысли о начальности и конечности цивилизаций, но сделал из этого потрясающий вывод: все цивилизации смертны, кроме... британской. Это всё равно что сказать: все люди смертны, кроме господина Тойнби, коль скоро он находится в хорошей физической форме во время написания научных статей, не склонен к суициду и вообще не собирается умирать.

Итак, нет народов бессмертных и нет этносов, которые извечно сидели бы на одном месте со времен неолита. Но о древнем населении Балтии и Восточной Европы мы по-прежнему знаем очень мало. Можно с уверенностью сказать одно: первое достоверное упоминание о предках литовцев находим лишь у Тацита в I веке новой эры. «Правый берег Свевского моря омывает эстиев, у которых обычаи и одежда свевов, а язык ближе к британскому. Они почитают мать богов. Как эмблему своей религии они носят изображения кабанов... Они с большим терпением обрабатывают землю для хлеба и других ее произведений, чем сколько сообразно с леностью германцев. Но они обшаривают и море, и одни из всех собирают в мелководных местах и на самом берегу янтарь... Сами они им совсем не пользуются: собирается он в грубом виде, без всякой отделки приносится (на продажу), и они с удивлением получают за него плату» (Германия, 45).

Не нужно смущаться, что балтов зовут «эстами». Перед нами айстии – прямые предки литвы, в то время как эстами будут впоследствии звать финский народ – прародителей со-

временных эстонцев. В I веке новой эры айстии жили в Пруссии, а оттуда стали распространяться на север и восток, как только сделать это позволили климатические условия.

Из описания Тацита следует, что айстии – трудолюбивый спокойный этнос, который находится в состоянии гомеостаза – равновесия с природой. Откуда он пришел на Балтику и когда это случилось, остается лишь догадываться. Похоже, за один-два века до новой эры айстии отделились от древних германцев и кельтов, но сохранили признаки родства с этими народами. Заметим, что древние германцы (в книгах об антах и ругах мы условно называем их «германцы-1») и кельты участвовали и в этногенезе славян. Но перед нами настолько зыбкие ориентиры, что построить на их основе схему развития балтийских этносов невозможно.

Затем начинается Великое переселение народов, когда происходит новый виток этногенеза, и рождаются «германцы-2», в том числе готы. Под натиском готов восточноевропейские племена приходят в движение, и племена балтов – в их числе. Существует гипотеза о климатических изменениях, происшедших в то время. Но что это за перемены и как долго они продолжались, неясно. Возможно, имело место похолодание в районе Балтики, после чего климат, напротив, смягчился под воздействием атлантических циклонов.

В IV веке готы создали недолговечную, но огромную империю, простиравшуюся от Черного моря до Балтики и Оки. Айстии входили в державу готского короля Германариха, как

и финские народы, только что начавшие переселение на Волгу и Оку из юго-восточных степей.

Климат становился всё более благоприятен. В Прибалтике стало тепло, арктические льды отступали на север. Этот период будет длиться долго. В X веке норманны создадут поселения в Гренландии – «зеленой стране». Название говорит за себя.

Лишь в XII столетии начнется новый период похолодания, а еще через пару веков гренландские поселения погибнут, отрезанные от Европы плавучими льдами.

А пока происходило переселение финнов на север-запад, а балтов – на восток и северо-восток. В VII веке «балтийские кочевники» дошли до Смоленщины, освоив этот край. Долгое время в Смоленском княжестве обитало племя голядь. Это прусские галинды, переселившиеся сюда с запада. Кроме того, литовцы освоили территорию будущего Полоцкого княжества – нынешнюю Белоруссию.

Но триумф балтов длился недолго. В том же VII столетии их начали теснить славяне, спасавшиеся от аварского завоевания. Славяне захватили земли по реке Полоте и верховья Днепра. В VIII или IX веке (последняя дата всё же предпочтительнее) пришла еще одна волна славянских переселенцев. Эти племена известны как кривичи. Впечатление, произведенное на литву этим вторжением, было столь сильно, что с тех пор они звали всех русских «криве», то есть кривичами. С другой стороны, вторжение ли это? Первое вре-

мя земли было так много, что соседи легко уживались друг с другом. Лишь потом настало соперничество.

Славяне обложили местное население данью и продолжали прибывать отовсюду. Одно из племен, словене, переселилось из Полабья в район Ладоги по морскому пути, после чего стало активно теснить и облагать данью финские племена, относительно недавно пришедшие на эти же земли. Славяне были пассионарнее балтов и финнов и подчиняли их. Из обширного поселка Полоцк на Двине пришельцы управляли литовскими землями в Гродно, Менске и контролировали Нальшанский край. Из Гнёздово распространили влияние на Смоленщину и почти славянизировали ее. А на берегах Волхова построили Господин Великий Новгород. Так в Восточной Европе появился новый хозяин.

2. Русичи и литовцы

Очень похоже, что к X веку у славян начался очередной виток этногенеза и на месте прежних разрозненных племен появился новый этнос – русичи. Образовалась Киевская держава. Земли было достаточно, природа давала большие урожаи, на торговых путях возникали многолюдные города, население стало быстро расти. Балты и финны, тюрки и руги словно «растворялись» в славянах. Вдоль Днепра эти процессы происходили очень быстро, а на окраинах – медленнее. Область Менска (это торговое «обменное» место, совре-

менный Минск) оказалась заселена наполовину славянами, а на другую половину – литвой. В поселениях Гродно и Новогрудок преобладали русичи, а в сельской местности – литва. Изображать эти районы славянскими, как обычно делается на исторических картах, – неверно.

Славяне находились на первой стадии общественного развития. Можно назвать ее первобытно-общинным строем, можно – архаическим, суть одна. Сперва они объединялись в родовые вожества, как и литва, затем, после «этнической революции» X века и рождения русского этноса, произошел распад старых родов и совершился так называемый «перенос городов», то есть новые города кое-где заступили места прежних родовых поселков. Исчезли Гнёздово, Сновск, «Медвежий угол», «Сарское городище»... Вместо них появились Смоленск, Чернигов, Ярославль, Ростов...

Поселения управлялись общинами, роль и самостоятельность которых постепенно возрастали. То, что по недоразумению именуется «боярскими республиками», на самом деле было общинным управлением, похожим на древнегреческие полисы. Это блестяще доказал И. Я. Фроянов в ряде работ. Кроме того, он предостерегает от модернизации социальных процессов и очень скептичен по отношению к высказываниям о «крепкой Киевской державе», возникшей на Днепре. По мнению ученого, мы имеем дело с конгломератом родов и племен. Киевское правительство контролировало эту конфедерацию с огромным трудом. Члены племен

обладают архаичным сознанием, многие поступки первых князей следует толковать с точки зрения первобытной магии. Интересующегося читателя отошлем к работе Фроянова «Рабство и данничество», особенно ко второй части книги, где сделаны обобщающие выводы.

* * *

Литва находилась на той же ступени общественного развития. В балтийских землях сохранялись вождества, объединенные в некое подобие конфедераций. Даже такой любитель модернизировать социальные отношения и находить феодализм там, где его нет, как В. Т. Пашуто, признает, что общество пруссов и родственной им литвы было дофеодальным и родовым.

Таков социальный смысл событий. А что происходило на уровне этническом? Находки археологов говорят о потрясающем смешении между литовцами и русами, особенно на торговых путях по Даугаве, где влияние русских распространялось вплоть до Рижского взморья (самой Риги еще не было). Это привело к неожиданным последствиям. По-видимому, произошел генетический «дрейф пассионарности», если использовать терминологию Л. Н. Гумилева. То есть славяне «наградили» часть балтов избыточной энергией. Результат интенсивной метисации сказался к концу XII века. Родился новый этнос – литовцы, в формировании которого приняли

участие древние русичи и древние балты. Процесс занял целое столетие и русским принес больше вреда, чем пользы. Они считали литовцев близкой родней, как и литовцы – русских. Но сами русичи переживали в XIII веке уже не подъем, а фазу «перегрева», которая привела к расколу этнического поля (эта мысль противоречит выводам Л. Н. Гумилева; ее обоснование см. в нашей книге «Руги и русы»). Княжества дробились, а место общенациональных целей занимали интересы отдельных общин с их желанием опередить и перехитрить соседа. Энергии было много, но расходовали ее понапрасну. Дело усугубилось ордынским нашествием, в результате которого Русь ко второй половине XIII века превратилась в страну с ограниченным суверенитетом. Баскаки монгольского хакана появились даже в Великом Новгороде, бесконечно далеко от степных границ.

Литовцы использовали эти факторы и создали державу, которая простиралась от Балтики до Черного моря и включала значительную часть Киевской Руси. Это дало основание львовскому профессору М. С. Грушевскому объявить Великое княжество Литовское – украинским. Бóльшую нелепицу трудно придумать хотя бы потому, что тем самым Грушевский игнорировал белорусов. Этот ляп у профессора далеко не единственный.

В итоге вместо славяно-литовского государства в Западной Руси возникло государство литовско-славянское. В этой книге мы рассмотрим лишь начало процесса – постольку, по-

сколько это касается биографии нашего героя, а необходимые обобщения сделаем в конце.

Ну а теперь, когда есть общий фон, можно прорисовать очертания картины. Сделаем еще большую степень приближения и посмотрим, что это даст.

3. Полоцкая династия

Киевская Русь как единая держава просуществовала недолго. В то время никто в Европе не обладал средствами, чтобы создать долговечную монолитную империю. Для этого не имелось достаточного населения, нужного числа бюрократов, средств связи и принуждения.

На Руси возникло несколько крупных общин, которые мы называем «княжествами». Поначалу они управлялись из единого центра – из Киева, а сами князья воспринимались как временные правители, с которыми община заключала договор. Часто они приходили на новое «место работы» со своей чадью, с боярами и дружиной, а затем в соответствии с порядком «лествичного счета» или по особому договору с общиной перемещались в другой город, где получали «зарплату» и дары-подношения, которые, по мнению И. Я. Фронова, кроются за хорошо известным термином полюдье.

Население продолжало расти, и управлять всем пространством Киевской Руси не мог уже ни один политик. Региональные княжества сами превратились в крупные держа-

вы, передвижения князей со свитами и разделы земель происходили внутри отдельных земель – Черниговской и Смоленской, Владимиро-Волынской и Владимиро-Суздальской. Этот процесс занял XII–XIII века и к XIV столетию достиг кульминации.

Первым обособился Полоцк. У князей Киевских не было сил, чтобы управлять этой окраиной, на три четверти заселенной балтами. Сперва Владимир Красное Солнышко (980—1015) разрушил до основания старый Полоцк, перебил местную династию и уничтожил население. Город погиб и не возродился. Повторное заселение этой земли славянами началось с юга. Они постепенно покоряли балтов и обкладывали их данью.

Владимир Красное Солнышко отдал Полоцкую страну в удел своему сыну Изяславу и его матери Рогнеде, с которой не жил после своего крещения, ибо женился на византийской принцессе и официально стал моногамен. Рогнеда постриглась в монахини, как и все «лишние» жены, но сохранила власть в Полоцкой земле, которая была хорошо ей знакома. Столицей страны стал Изяславль, названный в честь ее сына. Какое-то время здесь признавали власть общерусского князя.

После смерти Владимира Русь распалась, начались смуты. Племянник и наследник Красного Солнышка – великий князь Святополк (1015–1019, с перерывом) – пытался объединить державу, но и тогда в ней сохранялось пять уделов:

удел Святополка, включавший большую часть Руси, удел полоцких князей и земли трех сыновей Владимира: удел Ярослава Мудрого с Новгородом, удел Мстислава в Тмутаракани и удел Судислава во Пскове.

После гибели Святополка и нового тура междоусобной войны осталось четыре удела: Псков, Полоцк, левобережье Днепра (его захватил Мстислав Владимирович Тмутараканский) и правобережье, которое присвоил Ярослав Мудрый в прибавку к Новгороду. Затем пышущий здоровьем Мстислав умирает при довольно странных обстоятельствах, после чего Ярослав арестовывает и сажает в тюрьму Судислава. Русь почти объединена. Но с Полоцком великий князь не может сделать ничего. Полоцкая земля остается самостоятельной. Здесь правят потомки Изяслава Владимировича (989—1001); сперва его сын Брячислав (1001—1044), затем внук Всеслав I Вещий (1044—1101). За это столетие власть русской общины в Полоцкой земле окрепла, а Всеслав расширил границы княжества, включив в него восток современной Литвы, Латгалию и почти всю Курляндию. Его влияние доходило до низовий Даугавы, где впоследствии возникнет порт Рига. Столицу земли перенесли из крепости Изяславль в торговый город Минск. Всеслав Вещий активно пытался расширить и славянскую часть своих владений – воевал против Новгорода за земли псковских кривичей, короткое время сидел на великом столе киевском – но не преуспел, бывал бит другими князьями и даже терял стольный город Минск

по результатам борьбы. В итоге он перенес резиденцию в более безопасное место на Даугаве, которое назвал Полоцком в честь старого поселения, некогда разрушенного по приказу Владимира Красное Солнышко. Выбор названия оказался очень важен. Подчеркивалось старшинство города по отношению к другим, воскрешалась древняя традиция. Но она пришла в противоречие с фактами колонизации Полоцкой земли с юга. Поэтому обиженный Минск вскоре превратится в соперника Полоцка, и княжество распалось на уделы.

Трудно сказать, какие территории реально входили в состав Полоцкой земли, а где можно говорить об убывающем влиянии полоцких князей. Видимо, на школьных картах 80-х годов прошлого века Прибалтику правильно обозначали как зависимую от Руси территорию. Это не шовинизм и не попытки расширить владения Древнерусского государства задним числом, а осторожное обозначение сферы влияния тогдашней Руси, основанное на тщательном изучении русских летописей и немецких хроник. Например, в это же время новгородская община тоже пыталась расшириться, славянские полки доходили до Колывани и взимали с этого поселения дань. Юрьев (ныне Тарту) вообще был основан Ярославом Мудрым и некоторое время играл роль русского форпоста в этой части Прибалтики, то есть служил местом складирования дани и товаров, а также обладал русским гарнизоном.

Но, повторимся, по мере роста населения власть князей

слабела в самих княжествах. В густонаселенной Галичине бояре (то есть представители общины) дошли до того, что приняли решение сжечь любовницу тамошнего князя Ярослава Осмомысла (1153–1187) и действительно сожгли ее заживо в ритуальных целях. В Новгороде – меняли князей, заключая с каждым из них договор, то есть «трудовой контракт» на несколько лет. Та же ситуация возникла в Киеве после смерти Юрия Долгорукого.

Полоцк не стал исключением. После смерти Всеслава Вещего княжеская власть слабеет, а влияние общины, напротив, растет. Полоцк всё больше напоминает ранний греческий полис эпохи борьбы свободных горожан с базилями, то есть местными царьками.

Преемником Всеслава становится его сын Давыд (1101–1129), другие сыновья получают уделы, братья правят коллегиально. Полоцкая земля превращается в рыхлую конфедерацию славянских общин и литовских племен. Давыд вступает в конфликт со своим братом Рогволодом (Борисом?), коего поддержала часть общины. В 1127 году Рогволод I (1127–1128) захватывает полоцкий стол (престол) и держится на нем год, но Давыд всё же возвращается, после чего в княжество с трех сторон вторгаются войска старшего на тот момент правителя Руси – Мстислава Великого (1125–1132). Полоцк присоединен к остальной части Русского государства, а потомки Всеслава Вещего попали под арест и сосланы в Византию. Оккупация продолжалась 10 лет. Ки-

евские наместники управляли плохо, литва отпала от Полоцка, славянская община полочан была недовольна. Вскоре распалась и сама Русская земля, это произошло после смерти Мстислава Великого. За верховную власть стали сражаться две линии потомства Владимира Мономаха, которые условно можно обозначить как северную и южную. Северная обосновалась на Украине (междуречье Оки и Волги, Суздальская Русь). Южная – на Волыни и в Смоленске. Третьей силой, оспаривавшей право на общерусское лидерство, были черниговские Ольговичи. Всеобщая война продолжалась полвека до тех пор, пока Киевщина не обезлюдела, после чего князья постепенно утратили к ней интерес. В конце XII века становится важным обладание не столько Киевом, сколько ключевым торговым путем по Днепру, и его захватывают смоленские Мономашичи, превратившиеся на короткое время в самых сильных князей Руси. Но от Полоцка всё это бесконечно далеко.

То ли в 1132, то ли в 1138 году на Двине совершился мирный переворот, и власть взял один из мелких князей Василько Святославич (? – ок. 1144), внук Всеслава Вещего. Он вовремя выразил лояльность Мстиславу Великому и не попал в ссылку. После смерти Мстислава община полочан попыталась обрести свободу, и Мономашичи придумали компромисс: Василько Святославич получил Полоцк, но остался подручником киевлян, а Гродненская волость вошла в состав Киевской земли. Это всех устроило.

Преемником Василька стал другой внук Всеслава Вещего, Рогволод II Рогволодович (Борисович (?), правил ок. 1144–1151, 1159–1162). К этому времени Полоцк окончательно превращается в аналог Галича и Великого Новгорода: растущая численно община выбирает князя и оказывает огромное влияние на его политику.

От старших городов откалываются младшие. Полоцкая община стала враждовать с менской (минской). Это конфликт разрастающихся городов, но – с примесью этнических разногласий. Территория Минской земли была наполовину заселена балтами. Они поддержали местного князя против Полоцка, пополнили его дружину и охотно поучаствовали в усобице. В 1151 году Рогволод был свергнут под натиском минчан и угодил под арест, но через некоторое время получил свободу и уехал в Чернигов. Князем стал очередной внук Всеслава Вещего – Ростислав Глебович (1151–1159), ставленник минских общинников. При этом дела Полоцка тесно переплетались с делами остальной Руси, потому что отчуждения между княжествами не было, как не было и четких внутренних границ. Например, Рогволод ориентировался на северных Мономашичей и их лидера Юрия Долгорукого, а Ростислав – на южных, волынских. Следовательно, переворот в Полоцке был делом не только внутренним, но и частью большой общерусской игры престолов. Полоцкие балты выступали младшими партнерами в этой игре.

В 1159 году Рогволод получил помощь от своих союзни-

ков и вернул полоцкое княжение, но мира это не принесло. Ростислав ушел в Минск и продолжал воевать со своим родичем, а Рогволод терпел поражения. Полоцкая община так разочаровалась в Рогволоде, что указала ему «путь», а на княжение пригласила Всеслава II Васильковича (1162–1167, 1167— после 1180), сына того самого Василька, который благодаря своей дипломатичности и выдержке вернул Полоцку свободу за несколько десятилетий до этих событий. Кадровая перестановка позволила вести войну с Минском еще пять лет, но затем Всеслав II потерпел новое крупное поражение, после чего один из минских Глебовичей, Володарь (1167), захватил Полоцк. Это встревожило соседей – смоленских князей, которые были заинтересованы в сохранении раздробленности Полоцкой земли, а может быть, и помнили о своем родстве с полочанами, как те же кривичи. Последовал окрик из Смоленска, и Володарь покинул враждебный Полоцк, вернувшись в Минск. Всеслав II вернулся на полоцкий стол и продолжал править в обстановке нестабильности. В то же время и он, и его минские коллеги вновь принялись расширять владения за счет балтийских племен.

Теперь история Полоцка проходит в истории Руси словно пунктиром. Суздальские, киевские, галицкие летописцы не упоминают о двинском пограничье. А полоцкое летописание до нас не дошло. В результате нам неизвестна даже генеалогия следующего князя Бориса Давыдовича (после 1180 – ок. 1186). Например, некоторые ученые на основании западно-

русской Хроники Быховца отождествляют его с литовским же князем Борисом-Гинвилем. Действительно, по сообщению хрониста, балты захватили Полоцк в 1190 году и посадили там своего князя. Но никакие другие хроники не подтверждают эту версию, и сегодня она считается недостоверной. Правление Бориса Давыдовича прошло как короткое недоразумение.

Власть в Полоцке вновь меняется, и князем становится несомненный славянин Владимир (ок. 1186–1216). Кто он, чей сын, какова была его политика – неясно. Он известен по немецким хроникам, где выступает слабым и бездарным политиком. Князь, собственно, «прославился» лишь тем, что позволил немцам утвердиться в Балтии и утратил русское влияние в этом регионе. Об этом мы еще поговорим.

Затем в Полоцке сидит какой-то Борис Всеславич (1216–1222 (?)). Далее наступает время гегемонии смоленских князей, которые энергично распространяют свое влияние в Поднепровье. Смоляне вмешиваются и в дела Полоцка. Это объяснимо. В конце XII века с территории Полоцкой земли балты нападают на Смоленщину. Не исключено, что эти грабительские налеты имели политический подтекст: на севере Смоленщины жили галинды; следовательно, наскоки балтов можно трактовать как попытку освобождения соплеменников. А может, всё проще, и перед нами – элемент войны за Поднепровье, в которой полочане и подчиненная им литва выступают против Смоленска в составе сложившихся на Ру-

си коалиций. В этом случае литовцы действуют по приказу князей Полоцких. Эту догадку высказал современный исследователь М. А. Бредис в интересной работе «Крестовый поход на Русь», где популярность изложения соседствует с хорошим знанием первоисточников и литературы и дополняется добротным анализом ситуации, сложившейся в Прибалтике к концу XII столетия.

Смоленские князья обладали достаточными ресурсами, чтобы наказать соседей и навязать им свою волю. Состоялся короткий поход на Двину, и правителем Полоцка сделался Святослав Мстиславич (1222–1232) из семьи смоленских Мономашичей. К этому времени Балтийское взморье было уже потеряно полочанами: пришли немцы. Смолян это не интересовало. Некоторое время они пытались удержать контроль над западной частью Руси. Мстислав Удатный – выходец из смоленских Мономашичей – занял Галич и распространил свое влияние на Волынь. Его родственник Мстислав Романович сидел в Киеве. Турово-Пинское княжество тоже сделалось младшим партнером смолян, а теперь и Полоцк.

Затем для смоленской семьи началась полоса неудач, потому что не хватило сил для контроля столь обширных территорий. Община надорвалась, а окраинные князья стали игрушками в руках местных партий. Мстислав Удатный даже уступил Галичину венграм под натиском местных бояр. Святослав Мстиславич, сидевший в Полоцке, тоже превратился в выразителя интересов полочан и литвы. Возможно, этот

правитель установил власть над Минском и частью прилегающих литовских земель, хотя коренной связи с ними не чувствовал.

В 1232 году освободился смоленский стол. Святослав Мстиславич выдвинул претензии на землю предков, собрал полоцкую да литовскую дружину и взял Смоленск. Правителем Полоцка после него сделался некто Брячислав (1232 – после 1241). Имя заставляет предположить, что его носитель принадлежал к числу потомков первого князя Полоцкой земли, но всё прочее неизвестно. В 1239 году на его дочери женили юного Александра Невского. Это значит, что Брячислав был могуществен, что он объединил значительную часть полоцких русичей и литвы. Породниться с ним казалось почетно. Брак Александра и Брячиславны обеспечивал безопасность Суздальской Руси от литовских набегов. Но кто обладал реальной властью в Минске и Полоцке – русичи или уже литва?

4. Балты преображаются

Для понимания того, что происходило на Балтике, следует взглянуть на южные земли Руси, где случились аналогичные вещи. В начале XII века на Днепре полыхала война между русскими и половцами, но затем прогремели походы Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, в ходе которых степняков удалось замирить и включить в орбиту рус-

ского влияния. После этого наступил симбиоз, механизм работы которого убедительно показан в работах Л. Н. Гумилева. Приграничные половцы делились на шесть ханств, часть из них поддерживали черниговцев, часть – рязанцев, кто-то союзничал с галичанами, а на стороне киевлян выступали кочевники, жившие на реке Рось, – туркмены (торки) и каралпаки (черные клобуки). Русские не навязывали кочевникам свою веру и обычаи, но процесс шел к выгоде славянской державы. Многие половецкие ханы крестились в православие, а русские князья охотно женились на половчанках. Дела обстояли тем проще, что половцы отличались от русских лишь по языку, но не по расе. Эти тюркоязычные кочевники были светловолосым сероглазым народом. Выучи такого говорить по-русски, и на базаре уже не отличишь от славянина: та же речь, тот же облик, те же штаны да рубахи.

Сходные процессы наблюдались в Прибалтике, но результат оказался другим. Половцев, как известно, перебили монголы, а остатки этого этноса укрылись на Руси – в Галичине, Киевщине, Черниговщине, в Суздале. Финал балтийской драмы выглядел по-иному.

Во второй половине XII века распалась Полоцкая земля. Минск и Полоцк, надо полагать, поделили сферы влияния. Минский князь стал расширять владения за счет территорий, которые входят в состав современной Литвы. Полоцкий – продвигался вниз по Двине, то есть захватывал земли теперешней Латвии. Известны два городских центра, сперва

населенные балтами, а затем взятые русскими. Это Кукейнос и Ерсике. Первый из этих городов получил в летописях известность как Куконос. Крайне любопытны данные археологов, проводивших здесь раскопки. Ученые не находят следов разрушений в культурных слоях XII века в этих поселениях. Следовательно, процесс инкорпорации балтов в систему славян прошел без крови и жертв. Наоборот, в это время две культуры (славянская и балтийская), судя по находкам, как бы взаимно проникают друг в друга. Значит, славяне были толерантны, не навязывали свою систему ценностей и умели уживаться с тем, кто на них не похож. Это объяснимо. У наших предков был огромный опыт взаимодействия с соседями, как негативный, так и позитивный. Славяне были союзниками гуннов, подданными болгар, рабами аваров и хазар. Сложные отношения складывались с германским этносом ругов, который успел побывать и господином славян, и товарищем по несчастью в хазарскую эпоху, а затем слился со славянами в один народ русичей. Разумеется, наши предки не были добряками – такими идиллическими пахарями, которые только и делают что страдают от набегов соседей да мечтают заняться мирным трудом, обороняя рубежи отчины от очередных супостатов. Они расширяли державу, переселялись, разбойничали, взимали дань с покоренных народов, совершали ритуальные убийства, как всякие дикари. Но они никогда не устраивали геноцида и не стремились превратить соседей в крепостных. Русь, в отличие от западного ми-

ра, не знала феодальных отношений, и потому договориться с соседями было проще. Система подчинения и взаимодействия оказалась понятной и прозрачной. Балты жили почти такими же общинами, как и русичи, только были еще более «отсталыми» (берем этот термин в кавычки, ибо «прогрессивность» феодальной формации по отношению к социальным системам Руси, Монголии, сельджуков, инков, Арабского халифата, Ромейской империи, Китая никем не доказана, и вряд ли это вообще можно доказать). Племена баотов-аукшайтов и налышанов были враждебны другим балтам – латгалам и земгалам. Старейшины этих народов делают выбор. Первые два племени отдаются под покровительство Минска, вторые два – под патронат Полоцка. Да, приходится платить дань князьям, но взамен наступила, как ни странно, некая стабильность и возникли бонусы. Например, можно в составе минской рати разграбить полоцкие окраины. Или наоборот. В мирное же время балтийские вожества обрели безопасность друг от друга, потому что отношения регулировались договорами в рамках отношений между Минском и Полоцком.

В общем, если в степи возник удивительный славяно-половецкий симбиоз, то на берегах Вилии и Даугавы – славяно-балтский.

Но уже к концу XII века мы наблюдаем странное явление: балты активизируются, затем начинают самостоятельно нападать на русские земли, меняют название... Вместо старых

племен в центральной части Балтии появляется новый народ – литва. Впоследствии этноним превратится в название государства. Мы будем использовать его в обоих значениях – как название страны (Литва) и как имя народа (литвины).

5. Взлет литвы

Когда-то Л. Н. Гумилев придумал для этногенеза удачный термин пассионарность. Современное ученое сообщество его отрицает, но адекватно объяснить происхождение новых народов не может. Откажемся от спорного термина, но посмотрим, о чем же говорил Гумилев. По его мнению, рождение новых этносов – это очень часто мутация, взрыв, когда на месте нескольких старых народов рождается новый, расширяется, вбирая в себя прежние племена и роды, порождает новые общности, стареет и умирает. Этот процесс происходит спонтанно, как все природные явления.

Суперэтносам редко позволяют умереть от старости соседи. Во II веке еще жива Римская империя, но уже появляются «молодые» готы, вандалы, маркоманы, которые пытаются ее уничтожить. В VIII столетии доживают век реликты Великого переселения народов – саксы, англ, лангобарды, – а в недрах государства франков происходит этнический взрыв, и вдруг появляется молодой романо-германский мир, прикончивший «стариков». Эти явления не объяснить ни социальными предпосылками, ни надуманными закономерностями.

стями развития человеческих обществ, ни тем более техническим прогрессом. Этнос – часть природы. Правда, человек – не только член этноса, но и часть общества; Л. Н. Гумилев очень сильно недооценивал социальные факторы истории. Но это – другой разговор. В изучении социальных аспектов далеко продвинулись другие ученые и философы, например К. Маркс и Ф. Энгельс, ценнейшие интеллектуальные разработки которых должны быть использованы.

Однако применительно к рождению литвы нас интересует именно этнический аспект. Каким образом появился народ литвинов на месте этноса, толерантного к соседям и склонного к добровольному подчинению «социально близким» славянам? Он действительно был другим: хищным, агрессивным, одаренным воображением и стремившимся не подчиняться, а подчинять. Вместе с новым названием – литва – пришел и новый стереотип поведения. Безусловно, перед нами этническая мутация. Или тот самый «пассионарный толчок», о наличии которого толкует Л. Н. Гумилев. Признаки этой мутации видны в конце XII века и становятся очевидны в XIII, когда литовцы терроризируют Русь и отбивают натиск крестоносцев, несмотря на огромное неравенство сил. Традиционная наука разведет руками. Как, откуда, почему? Может быть, литва получила какие-то преференции от торговли? Да-да, именно в тот момент, когда торговые пути перекрыли немцы, рассматривавшие Балтию как объект колониальной эксплуатации. Или же появились новые, ультрасо-

временные способы управления, новое оружие, небывалые военные механизмы, позволившие литовцам вырваться вперед, обойти соседей и создать державу? Нет, нет и нет.

Тогда, возможно, причина взлета – ставка на внутренние ресурсы, внедрение революционных технологий обработки земли, благодаря коим удалось создать стратегические запасы, позволившие в свою очередь увеличить население? А затем «излишки» населения хлынули завоевывать окрестные страны?

У всех, кто знает природные условия Литвы с ее туманами, лесами и промозглой сыростью, когда температура минус два градуса по Цельсию воспринимается как страшный холод и пробирает до костей, – у всех этих людей рассуждения о прогрессе в литовском земледелии могут вызвать гомерический хохот. Нет, дело не в социальных процессах и не в развитии технологий. Перед нами классическая мутация, когда «обычный» этнос, живущий в равновесии с природой, обретает энергию и начинает экспансию. Но почему это произошло?

Гумилев подметил, что процессы этногенеза никогда не проходят изолированно. Этносы не рождаются в одиночку. Как правило, происходит появление как бы цепочки новых народов. Например, в I веке взрыв этногенеза прошел по оси Скандинавия – Абиссиния. Появились «германцы-2», славяне, даки, «этнос во Христе» (будущие византийцы), талмудистские евреи и государство Аксум в Эфиопии. В VIII сто-

летию взрыв прошел от Парижа до Швеции, родился романо-германский мир. Примерно в X веке (Гумилев почему-то дает другую дату – XII век, что спорно) на короткой линии в Монголии и Маньчжурии зародились собственно монголы и чжурчжэни. Возможно, в том же X веке в Европе появились на свет поляки, чехи и русичи, хотя этот последний факт требует дополнительного изучения.

Но какие этносы родились рядом с литвой в XII веке? Вообще никаких. Тогда чем объяснить бесспорный факт взрыва творческой энергии у балтийских племен? Объяснение только одно: энергией «поделились» славяне через смешанные браки и беспорядочные половые связи во время походов, ярмарок, празднеств. Не исключено, что поселения балтов-язычников были для славян местом «отдохновения» от строгих православных заповедей. Конечно, соблюдение этих заповедей полочанами (а также киевлянами, смолянами, рязанцами, галичанами, черниговцами, новгородцами, суздальцами, волынянами, туrowцами) тоже под вопросом. Языческие нравы держались на землях Киевской Руси очень долго. (См.: *Рапов О. М.* Русская церковь в IX–XII вв. Эта добротная работа с сильной научной аргументацией хорошо показывает процесс крещения Руси.) Сие касалось не только вопросов теологии, но и обычной половой распущенности русичей на Ивана Купалу и т. п. Полочане сильно перемешались с балтами, и появился новый этнос – литва.

Возникают вопросы. Почему аналогичные смешения

с финнами не привели к появлению нового этноса в междуречье Оки и Волги? Там жили русские, там они продолжают жить и поныне. Единственный след присутствия финнов в этих местах – знаменитое московское «аканье». Но это диалектизм. И поволжское «оканье», и чистое, но слишком быстрое сибирское «бормотание», и придыхательное «г» в Луганске, Донецке, Запорожье, Днепропетровске, Одессе – всё это варианты великорусских говоров. Такие же диалектизмы есть, например, у немцев, «назначенных» единым народом.

Не произошло и замещения русских татарами и туркменами в Киеве, хотя эти племена жили в его окрестностях. Почему?

Всё достаточно просто. С туркменами и каракалпаками русичи принципиально не перемешивались в силу разности стереотипов поведения; в советское время русские тоже не смешивались с туркменами и каракалпаками, живущими в Прикаспии и Приаралье. Редкое финское население Залесской Украины наши предки просто ассимилировали, а в Балтии ситуация сложилась иная. Литовцев оказалось больше, чем русских. Русичи заселили относительно плотно только восток Полоцкой земли – сам Полоцк, Витебск, Усвят. В Гродненской волости литовцы находились в подавляющем большинстве, в Минской и расположенной к востоку от нее Друцкой – преобладали. К тому же результаты этнических контактов всегда различны. Например, во времена

европейской колониальной экспансии XVIII века англосаксы убивали индейцев, порабощали индусов и торговали неграми. А испанцы вступали в связь с индианками, которые рожали метисов, и опять же торговали неграми. Это не мешало как испанцам, так и англичанам считать себя частью Европы и действительно быть ею. К индейцам относились по-разному, но между собой оставались своими и понимали друг друга. У русичей результаты этнических контактов с балтами и степняками оказались также различны.

В начальный период освоения балтийских земель русичи первенствовали, они были на подъеме. Но уже в XII веке наступил раскол этнического поля, городские общины отчаянно враждовали между собой. Минск воевал с Полоцком, Друцк обособился, Гродненская волость ушла из рук. Одна часть балтов сражалась за интересы Полоцка, другая – за интересы Минска, третья вообще тяготела к смолянам.

Однажды литвины поняли, что они сильнее и многочисленнее русичей. Любопытно, что русичи и сами не возражали. Нет ни войн, ни восстаний против литвы. Начальство сменилось, а симбиоз остался.

Но еще до татар появился новый игрок: немцы. Эти оказались упорным и страшным противником. Ни русичи, ни балты не были готовы к борьбе. Прежде чем они опомнились, немцы захватили добрый кусок Прибалтики и нацелились на Полоцк. Вот как это произошло.

6. Феодалный мир

Романо-германское общество было феодальным. Оно напоминало классическую пирамиду. Наверху стоял император Священной Римской империи (этот титул монополизировали немцы). Ниже находились короли, коим подчинялось сословие «благородных» – церковные прелаты и светские феодалы. Отношения между ними выстроены строго иерархически. Первым титулом после королевского был герцогский. В каждом уважаемом королевстве – Германском, Итальянском, Французском – имелось несколько герцогов. На ступеньку ниже находились графы и маркграфы/маркизы (эти последние правили пограничными владениями – марками/маркизатами). Во Франции существовали еще виконты – сыновья контов (графов), что превратилось в отдельный титул. Еще ниже – бароны. И в самом низу феодальной пирамиды – благородные всадники. Во Франции их называли шевалье (кавалерист), в Германии – риттер (конник). Это – простые рыцари, основа дворянского сословия. По большей части они происходили из министерялов, привилегированных графских рабов, которые служили чиновниками, ближней прислугой и охраной. В последнем случае термин совпадает с русским «боевой холоп». Вот из таких «боевых холопов» и получались куртуазные дворяне.

Из «неблагородных» европейцев в сносном положении

находились простые горожане, не имевшие титулов. Они лично были свободны, хотя и зависели от феодалов как община. Разумеется, горожане стремились к полной свободе и часто обращались к королям за защитой против феодалов.

По-настоящему бесправными людьми были крестьяне. «Благородные» не платили налогов. Считалось, что их предназначение – военная служба на благо страны. То есть они должны были тренироваться до упаду и платить налог кровью. Церковники тоже никому ничего не платили. Они молились и писали книжки. А кормить и содержать их обязаны подневольные крестьяне, по сути – рабы. Рыцарю требовались оружие, амуниция, добрый конь для войны и турнира, деньги на подарки для дам, да мало ли что еще. Церковникам – усиленное питание, роскошная храмовая утварь, дорогие материалы для книг. Всё это доставляли крестьяне, а если средств не хватало, рыцарь мог выйти на большую дорогу и заняться грабежом, что случалось нередко. Иногда компанию им составляли прелаты, которые вооружались и занимались войной, тесно граничившей с грабежом.

Несмотря на кажущуюся упорядоченность, в этом обществе царила анархия. Феодалы обладали высокой степенью свободы и ценили ее безумно. Аристократия была солью земли. Даже королю служить она обязывалась только сорок дней в году, а остальное время могла творить что угодно. К тому же складывались запутанные отношения вассалитета. Например, случалось, что пограничные графы и герцо-

ги подчинялись одновременно французскому королю и германскому императору в какой-то части владений. Из-за этих неясностей французам удалось значительно расширить границы на востоке, шаг за шагом присоединив почти целиком средневековое королевство Бургундия и добрую часть герцогства Верхняя Лотарингия.

Главным богатством того времени являлась земля с крепостными. Но земли не хватало. Дело в том, что Европа оказалась в наиболее благоприятнейшем положении с точки зрения природных условий. Благодаря мягкому климату росла урожайность, а с ней – население. Резких перепадов температур, от минус сорока до плюс тридцати, не случалось. Да и вообще в Северном полушарии было тогда гораздо теплее. Даже Гренландия, как мы говорили, оказалась пригодна для жизни, а в Северной Америке, если верить сагам, рос виноград. Что уж говорить о землях на Рейне, Роне, Луаре. В те времена они были раем земным. Но в этом раю оказалось тесно из-за перенаселения. Чем больше еды, тем выше рождаемость. Чем больше людей, тем меньше места. Тогда Европа начала первую колониальную экспансию: Крестовые походы. Французы отправились на мусульманский Восток и оккупировали прибрежные районы Сирии и Палестины от Антиохии и Латакии до Аскалона. Они создали Заморское королевство (Утремер), которое продержалось пару столетий и питалось постоянным притоком мигрантов, которые в большом количестве умирали от непривычного климата, но место которых

тотчас заступали новые пилигримы. На какое-то время это позволило решить проблему перенаселения Европы: нашелся способ избавиться от «лишних» людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.